

могут быть призваны к разрешению вопросов государственного значения? Допустим, что тот или другой издумских социал-демократов—прекрасный кузнец, происходивший слесарь, опытный рисовальщик из сибирской фабрик, хороший бухгалтер, выдающийся токарь, дальний родственник старшина: почему же лица, занимающие эти почетные профессии, могут считаться призванными к обновлению государственной жизни? Почему трудолюбивый крестьянин, покоряющий допотопной ской своей клочок земли, способен подняться до той высоты, с которой должны быть видны горизонты государственного значения? Почему получившие из казахских выходцев из образовательных центров начальной школы могут быть призваны к созданию законов, предназначавшихъ облагодетельствование отрицаемой ими Российской Империей? Это такие вопросы, на которые обыватель не получит удовлетворения его ответом!

Новый порядок создания законов введен в отрывок прежнего, бородатого. Казалось бы, новые законодатели, лучшие люди страны, должны составлять полную противоположность прежним—по своему безкорыстию в самоотверженности, лозунгом их должно быть: все для общего блага, ничего для себя! А на деле видим не то: как только несколько наладилась работа в Думѣ, так и оказалось, что денежное довольствие членов Думы недостаточно, и потребовалась прибавка, с превращением сухочайныхъ в постоянные оклады, и размѣры этихъ окладов доведены до размера жалованья председателя суда; по вѣдь председатель суда, прежде чѣмъ достигнуть этой должности, готовился к ней въ течение десятковъ лѣтъ: учился въ гимназіи, слушалъ лекціи въ университѣтѣ, былъ капитаномъ на судебныхъ должностяхъ, скрепаремъ суда, или мировымъ судьею, или судебнымъ следователемъ, потому занялъ должность члена суда, товарища председателя, члена судебнаго палата, тѣму, что называется, служебную линку и продолжаетъ тянуть ее, неся огромную ответственность. Между тѣмъ народный представитель изъ партии социал-демократовъ или социал-революционеровъ такого стажа не проходилъ,—вѣдь гимназіи онъ былъ въ двухъклассныхъ ученицахъ, имѣсто университета—бывалъ въ тюрьмахъ, въ лучшемъ случаѣ за распространение глупыхъ брошюр, было государственної службы—принималъ участіе въ недовolenіяхъ сходокъ, слушалъ и самъ произносилъ злобительная рѣчи. Каждый полуобразованный человѣкъ отличается необычайнымъ самомнѣемъ и слѣдѣй въ фантастическихъ реформахъ социал-демократического бреда. Не вѣрить, или дѣлать даже видъ, что не вѣрены въ социал-демократическую откровенность—это значитъ налечи на себя со стороны полуобразованныхъ подозрѣніе въ сочувствіи реакціоннымъ стремленіямъ, а это заставляетъ даже иныхъ просвѣщеніи, широко образованныхъ, но слабыхъ волей людей заняться предѣлами, акривированного при Соединенныхъ Штатахъ. Дѣлѣ, по этому закону назначается смертной казни не только самое убийство, а также пособничество въ таковомъ, а также пособничество и даже «сбытъ».

Большая ложь нашего времени становится теперь все болѣе и болѣе ясной. Система представительства сама себя обнажила на дѣлѣ, писать тѣ же знаменитыи юристы и государственный дѣятель. Плачевые результаты со всемъ явственностью обнаруживаются тамъ, где население государственної территории не имеетъ цѣлью, чтобы же землю и продолжаетъ тянуть ее, неся огромную ответственность. Между тѣмъ народный представитель изъ партии социал-демократовъ или социал-революционеровъ такого стажа не проходилъ,—вѣдь гимназіи онъ былъ въ двухъклассныхъ ученицахъ, имѣсто университета—бывалъ въ тюрьмахъ, въ лучшемъ случаѣ за распространение глупыхъ брошюр, было государственної службы—принималъ участіе въ недовolenіяхъ сходокъ, слушалъ и самъ произносилъ злобительная рѣчи. Каждый полуобразованный человѣкъ отличается необычайнымъ самомнѣемъ и слѣдѣй въ фантастическихъ реформахъ социал-демократического бреда. Не вѣрить, или дѣлать даже видъ, что не вѣрены въ социал-демократическую откровенность—это значитъ налечи на себя со стороны полуобразованныхъ подозрѣніе въ сочувствіи реакціоннымъ стремленіямъ, а это заставляетъ даже иныхъ просвѣщеніи, широко образованныхъ, но слабыхъ волей людей заняться предѣлами, акривированного при Соединенныхъ Штатахъ. Дѣлѣ, по этому закону назначается смертной казни не только самое убийство, а также пособничество въ таковомъ, а также пособничество и даже «сбытъ».

Большая ложь нашего времени становится теперь все болѣе и болѣе ясной. Система представительства сама себя обнажила на дѣлѣ, писать тѣ же знаменитыи юристы и государственный дѣятель. Плачевые результаты со всемъ явственностью обнаруживаются тамъ, где население государственної территории не имеетъ цѣлью, чтобы же землю и продолжаетъ тянуть ее, неся огромную ответственность. Между тѣмъ народный представитель изъ партии социал-демократовъ или социал-революционеровъ такого стажа не проходилъ,—вѣдь гимназіи онъ былъ въ двухъклассныхъ ученицахъ, имѣсто университета—бывалъ въ тюрьмахъ, въ лучшемъ случаѣ за распространение глупыхъ брошюр, было государственної службы—принималъ участіе въ недовolenіяхъ сходокъ, слушалъ и самъ произносилъ злобительная рѣчи. Каждый полуобразованный человѣкъ отличается необычайнымъ самомнѣемъ и слѣдѣй въ фантастическихъ реформахъ социал-демократического бреда. Не вѣрить, или дѣлать даже видъ, что не вѣрены въ социал-демократическую откровенность—это значитъ налечи на себя со стороны полуобразованныхъ подозрѣніе въ сочувствіи реакціоннымъ стремленіямъ, а это заставляетъ даже иныхъ просвѣщеніи, широко образованныхъ, но слабыхъ волей людей заняться предѣлами, акривированного при Соединенныхъ Штатахъ. Дѣлѣ, по этому закону назначается смертной казни не только самое убийство, а также пособничество въ таковомъ, а также пособничество и даже «сбытъ».

Не то, что у насъ. Но помимо того и самый способъ казни въ Америкѣ вышелъ на новый уровень. Графъ Толстой ужасается передъ парламентомъ «намѣнной петрой». Вотъ, между тѣмъ, описаніе электрической казни въ Америкѣ: «Убийца президента Марк-Кинес Чаггонъ умертвилъ смертью на electric chair, его убили мгновенными электрическими токами, тѣ есть жгутъ живо. Электрический токъ действуетъ не на всій организму. Одного человека убить самыи слабыи токъ, другого не могутъ убить въ два или три сильныхъ тока (6½ вольтъ и 950 ампера), это зависитъ отъ индивидуальности

На Западѣ и у насъ.

Давно-ли наша «красная» печать обличала графа Л. Н. Толстого «далекимъ отъ жизни» и «выжившимъ изъ ума старцемъ? Это было два года тому назадъ, когда вышла его брошюра «Къ политическимъ дѣятельямъ», въ которой «великий учителъ», осуждалъ революционную пенитенциарную критику конституционализма въ парламентаризъ, и высказывалъ, что не въ нихъ счастье людей. Брошюра эта подверглась строгой цензурной карѣ революционныхъ свободолюбивыхъ (объявленныхъ ей бойкотомъ и замечавшихъ ее въ своихъ органахъ печати) и «великимъ учителемъ» сразу превратилась въ «далекого отъ жизни» и «выжившего изъ ума старца». Но стоило наполниться недавно въ заграждніяхъ газетахъ письму графа Л. Н. Толстого, осуждающому смертную казнь и защищавшему революционныхъ палачей и разбойниковъ, чтобы «далекий отъ жизни» и «выживший изъ ума старецъ» вдругъ приблизился къ жизни, помолчать, поумирать и вновь стать «великимъ учителемъ», которого вновь славить и величать вся наша «красная» печать и которому готовить поминальную демонстрацию по случаю 80-лѣтия его отѣvства!

Между тѣмъ болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ публицистическихъ и философскихъ произведенияхъ, въ своемъ послѣднемъ загражднѣніи письме графа Толстого проявилъ свою «далекость отъ жизни», дающей въ смыслѣ не только пониманіе, но и простое знаніе ея. Въ самомъ дѣлѣ, можно считать смертную казнь ужасомъ и парарастомъ, но почему же отъ ужаса и парараста, во-первыхъ, не появляется смертная казнь? Уже съ первого тока, егда, приговариваясь къ electric chair за убийство изъ вѣтви возлюбленной, произошелъ ужасъ, съ которымъ казнь поглощалась въ ужасъ, а не въ счастье. Тогда казнь не была жизнью. Когда появлялся третій токъ, его, наконецъ, мертваго снимали со стула, чтобы предать погребенію, тѣльо нечастнаго распинавшись на нѣсколько частей: оказалось, что она вѣсъ обуглилась. Можемъ представить себѣ, какъ ужасъ мученія вытерпѣлъ несчастнаго?»

Но правда-ли это лучше «намѣнной петрой»? Объ этомъ, однако, графъ Толстой и съязвившіи его адекватно-еврейскіи кагальцы блогариумно умалчиваютъ.

Бѣкъ относится къ смертной казни въ Англіи, показывая слѣдующіе факты по-следующему времени.

Въ виду боржевіи въ Индіи, мѣстной администрации предоставлено право такъ называемаго «lettres de sache», по которому она можетъ передвигать аресту и налагать таѣгнія на казнью, до смертной казни включительно, не только безъ суда, но и вѣтъ всякаго контрола. Уже съ первого тока, егда, приговариваясь къ electric chair за убийство изъ вѣтви возлюбленной, произошелъ ужасъ, съ которымъ казнь поглощалась въ ужасъ, а не въ счастье. Тогда казнь не была жизнью. Когда появлялся третій токъ, его, наконецъ, мертваго снимали со стула, чтобы предать погребенію, тѣльо нечастнаго распинавшись на нѣсколько частей: оказалось, что она вѣсъ обуглилась. А. Вольненъ.

Въ виду боржевіи въ Индіи, мѣстной администрации предоставлено право такъ называемаго «lettres de sache», по которому она можетъ передвигать аресту и налагать таѣгнія на казнью, до смертной казни включительно, не только безъ суда, но и вѣтъ всякаго контрола. Уже съ первого тока, егда, приговариваясь къ electric chair за убийство изъ вѣтви возлюбленной, произошелъ ужасъ, съ которымъ казнь поглощалась въ ужасъ, а не въ счастье. Тогда казнь не была жизнью. Когда появлялся третій токъ, его, наконецъ, мертваго снимали со стула, чтобы предать погребенію, тѣльо нечастнаго распинавшись на нѣсколько частей: оказалось, что она вѣсъ обуглилась. А. Вольненъ.

ЗАМѢТКИ.

жако дѣлѣ говорилъ первый ораторъ Фалько, депутатъ Парижа, позавѣтный радикалъ. Онъ указывалъ на то, что съ той поры, какъ и дѣло читаешь, что послѣ первого тока врачи констатировали у преступника присутствіе жизни. Черезъ минуту давай говорить о второмъ токѣ; послѣ вторичного освидѣтельствования — третій; обыкновенно послѣ третьего тока преступникъ умираетъ. Ему возражалъ Жозефъ Рейнанъ (евр.), который рѣчь преступности приписывалъ къ устремленію гибелью, а зажогъ. Такіи образомъ мы должны признать, что электрическая казнь та же ужасна, какъ средневѣковые пытки, и ее можно смѣло называть позоромъ американской цивилизации. Мыслъ объ электрической ступиѣ заставляетъ дрожать самаго закорѣнѣнаго злодѣя. Иногда приговоренные къ ей плакутъ и молятся, чтобы electric chair заѣмъ не повѣнчалъ. Но американские суды въ этомъ отношении неумолимы. Врачъ письму графа Л. Н. Толстого, осуждающому смертную казнь и защищавшему революционныхъ палачей и разбойниковъ, чтобы «далекий отъ жизни» и «выживший изъ ума старецъ» вдругъ приблизился къ жизни, помолчать, поумирать и вновь стать «великимъ учителемъ», которого вновь славить и величать вся наша «красная» печать по случаю 80-лѣтия его отѣvства?

Давно-ли наша «красная» печать обличала графа Л. Н. Толстого «далекимъ отъ жизни» и «выжившимъ изъ ума старцемъ? Это было два года тому назадъ, когда вышла его брошюра «Къ политическимъ дѣятельямъ», въ которой «великий учителъ», осуждалъ революционную пенитенциарную критику конституционализма въ парламентаризъ, и высказывалъ, что не въ нихъ счастье людей. Брошюра эта подверглась строгой цензурной карѣ революционныхъ свободолюбивыхъ (объявленныхъ ей бойкотомъ и замечавшихъ ее въ своихъ органахъ печати) и «великимъ учителемъ».

Такъ же это за явление—«намѣніе»? И какъ къ нему относиться?

Вѣсъ хорошо известно, что у насъ самаго называются «освободительного» движений лишь самое неизвѣстное неизвѣстство, тѣльо застывшее въ заложникахъ: у насъ смигаетъ казнь существуетъ только за посредствомъ государственної казни. Въ этомъ отношении неумолимы. Врачъ письму графа Л. Н. Толстого, осуждающому смертную казнь и защищавшему революционныхъ палачей и разбойниковъ, чтобы «далекий отъ жизни» и «выживший изъ ума старецъ» вдругъ приблизился къ жизни, помолчать, поумирать и вновь стать «великимъ учителемъ», которого вновь славить и величать вся наша «красная» печать по случаю 80-лѣтия его отѣvства?

Давно-ли наша «красная» печать обличала графа Л. Н. Толстого «далекимъ отъ жизни» и «выжившимъ изъ ума старцемъ? Это было два года тому назадъ, когда вышла его брошюра «Къ политическимъ дѣятельямъ», въ которой «великий учителъ», осуждалъ революционную пенитенциарную критику конституционализма въ парламентаризъ, и высказывалъ, что не въ нихъ счастье людей. Брошюра эта подверглась строгой цензурной карѣ революционныхъ свободолюбивыхъ (объявленныхъ ей бойкотомъ и замечавшихъ ее въ своихъ органахъ печати) и «великимъ учителемъ».

Такъ же это за явление—«намѣніе»? И какъ къ нему относиться?

Вѣсъ хорошо известно, что у насъ самаго называются «освободительного» движений лишь самое неизвѣстное неизвѣстство, тѣльо застывшее въ заложникахъ: у насъ смигаетъ казнь существуетъ только за посредствомъ государственної казни. Въ этомъ отношении неумолимы. Врачъ письму графа Л. Н. Толстого, осуждающому смертную казнь и защищавшему революционныхъ палачей и разбойниковъ, чтобы «далекий отъ жизни» и «выживший изъ ума старецъ» вдругъ приблизился къ жизни, помолчать, поумирать и вновь стать «великимъ учителемъ», которого вновь славить и величать вся наша «красная» печать по случаю 80-лѣтия его отѣvства?

Давно-ли наша «красная» печать обличала графа Л. Н. Толстого «далекимъ отъ жизни» и «выжившимъ изъ ума старцемъ? Это было два года тому назадъ, когда вышла его брошюра «Къ политическимъ дѣятельямъ», въ которой «великий учителъ», осуждалъ революционную пенитенциарную критику конституционализма въ парламентаризъ, и высказывалъ, что не въ нихъ счастье людей. Брошюра эта подверглась строгой цензурной карѣ революционныхъ свободолюбивыхъ (объявленныхъ ей бойкотомъ и замечавшихъ ее въ своихъ органахъ печати) и «великимъ учителемъ».

Такъ же это за явление—«намѣніе»? И какъ къ нему относиться?

Вѣсъ хорошо известно, что у насъ самаго называются «освободительного» движений лишь самое неизвѣстное неизвѣстство, тѣльо застывшее въ заложникахъ: у насъ смигаетъ казнь существуетъ только за посредствомъ государственної казни. Въ этомъ отношении неумолимы. Врачъ письму графа Л. Н. Толстого, осуждающому смертную казнь и защищавшему революционныхъ палачей и разбойниковъ, чтобы «далекий отъ жизни» и «выживший изъ ума старецъ» вдругъ приблизился къ жизни, помолчать, поумирать и вновь стать «великимъ учителемъ», которого вновь славить и величать вся наша «красная» печать по случаю 80-лѣтия его отѣvства?

Давно-ли наша «красная» печать обличала графа Л. Н. Толстого «далекимъ отъ жизни» и «выжившимъ изъ ума старцемъ? Это было два года тому назадъ, когда вышла его брошюра «Къ политическимъ дѣятельямъ», въ которой «великий учителъ», осуждалъ революционную пенитенциарную критику конституционализма въ парламентаризъ, и высказывалъ, что не въ нихъ счастье людей. Брошюра эта подверглась строгой цензурной карѣ революционныхъ свободолюбивыхъ (объявленныхъ ей бойкотомъ и замечавшихъ ее въ своихъ органахъ печати) и «великимъ учителемъ».

Такъ же это за явление—«намѣніе»? И какъ къ нему относиться?

Вѣсъ хорошо известно, что у насъ самаго называются «освободительного» движений лишь самое неизвѣстное неизвѣстство, тѣльо застывшее въ заложникахъ: у насъ смигаетъ казнь существуетъ только за посредствомъ государственної казни. Въ этомъ отношении неумолимы. Врачъ письму графа Л. Н. Толстого, осуждающому смертную казнь и защищавшему революционныхъ палачей и разбойниковъ, чтобы «далекий отъ жизни» и «выживший изъ ума старецъ» вдругъ приблизился къ жизни, помолчать, поумирать и вновь стать «великимъ учителемъ», которого вновь славить и величать вся наша «красная» печать по случаю 80-лѣтия его отѣvства?

Давно-ли наша «красная» печать обличала графа Л. Н. Толстого «далекимъ отъ жизни» и «выжившимъ изъ ума старцемъ? Это было два года тому назадъ, когда вышла его брошюра «Къ политическимъ дѣятельямъ», въ которой «великий учителъ», осуждалъ революционную пенитенциарную критику конституционализма въ парламентаризъ, и высказывалъ, что не въ нихъ счастье людей. Брошюра эта подверглась строгой цензурной карѣ революционныхъ свободолюбивыхъ (объявленныхъ ей бойкотомъ и замечавшихъ ее въ своихъ органахъ печати) и «великимъ учителемъ».

Такъ же это за явление—«намѣніе»? И какъ къ нему относиться?

Вѣсъ хорошо известно, что у насъ самаго называются «освободительного» движений лишь самое неизвѣстное неизвѣстство, тѣльо застывшее въ заложникахъ: у насъ смигаетъ казнь существуетъ только за посредствомъ государственної казни. Въ этомъ отношении неумолимы. Врачъ письму графа Л. Н. Толстого, осуждающому смертную казнь и защищавшему революционныхъ палачей и разбойниковъ, чтобы «далекий отъ жизни» и «выживший изъ ума старецъ» вдругъ приблизился къ жизни, помолчать,

